

Л.Ф. Хабибуллина

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ТРАВМА В АНГЛИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI в.

На примере творчества английских авторов-женщин, преимущественно З. Смит, в статье рассматривается постколониальная проблематика в художественной литературе контексте травматического опыта. Выделяется несколько видов травмы, или переживаемых мигрантами этапов: историческая, миграции и самоидентификации, более или менее соотносимых с тремя поколениями мигрантов. Наиболее тяжелой становится историческая травма, травма миграции проявляется как существование в ситуации детерриторизации, безместности.

Ключевые слова: травматический опыт, постколониальный роман, английская литература, «женская» литература.

В отличие от предыдущих веков, когда исследование Другого часто было связано с литературой путешествий, сейчас оно переживается преимущественно в ситуации миграции, и самым ярким явлением последних десятилетий стало движение с Востока на Запад, а одним из самых ярких литературных событий – постколониальный роман. В отечественном литературоведении в связи с английской постколониальной литературой не было принято подробно останавливаться на специфичности женского опыта проживания постколониальной травмы¹ [1, 2], хотя в связи с рассмотрением американской мультикультурной литературы этот вопрос ставился практически на самых первых этапах осмысления данной проблемы² [3]. Учитывая

¹ В монографии О.Г. Сидоровой «Британский постколониальный роман» объектом рассмотрения становится творчество авторов-мужчин [1]. С.П. Толкачев в работе «Мультикультурный контекст английского романа» обращается к гендерному аспекту буквально в самом последнем разделе «гибридизация и гендерное пространство [2. С. 362–373] в самом общем плане в основном также на примерах текстов авторов-мужчин (С. Рушди преимущественно).

² В монографии М.В. Тлостановой «Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века» точкам схождения гендерной и мультикультурной

интерес современных исследователей именно к пограничным явлениям, этот аспект представляет особый интерес, поскольку женский опыт миграции переживается особенно остро, как отмечает С.П. Толкачев «в случае с женщиной-иммигранткой, которой отказано в правах вдвойне – как “чужой” и как жертве сексизма, эта ссылка превращается в двойную, поскольку в мире, которому они бросают вызов, почти всегда доминирует мужчина – существо, занимающее главенствующие позиции власти» [4. С. 164].

Женская постколониальная литература ранних этапов в разных странах нередко представлена творчеством полупрофессиональных писательниц, ярких представительниц «этнического» или «пограничного» автобиографизма, для которого характерно серьезное влияние «ценностного груза этнического, регионального, семейного, любого другого опыта, повлиявшего на формирование авторского “я”» [3. С. 208]. В таком романе, как заметила М. Глостанова, практически всегда представлен «рассказ о собственном, часто травматическом опыте» [3. С. 209]. Таким образом, первым источником травмы для автобиографической героини становится собственно жизнь в родной стране, трагическое существование женщины в которой и приводит к миграции.

Такую травму, обусловленную историческими событиями, в ходе которых травмировано одно или несколько поколений семьи, можно назвать **исторической травмой**³. Эта проблематика присуща авторам первого поколения мигрантов, в частности, в английской литературе характерным примером трансляции такого опыта становится роман Юн Джан «Дикие лебеди» (Jung Chang. *Wild Swans: Three Daughters of China*, 1991) [6]. Травматический опыт для ее героини связан с прошлым, причем не столько с ее собственным, сколько женщин ее рода, начиная с бабушки. Символом положения китайской женщины является образ забинтованных ног бабушки, причиняющих ей в течение всей жизни физические страдания, но главным

проблематики посвящен отдельный теоретический раздел [3. С. 182], кроме этого, анализируется творчество ряда писательниц-мигранток.

³ Историческая травма, согласно идеям Д. Ла Капры, соотносится с конкретными историческими событиями, значительными утратами и потерями [5. С. 724].

становится образ матери, которой и посвящается это сочинение. Чрезмерная суровость китайских мужчин – первого мужа бабушки, отца героини, стойкого коммуниста – причина двойного угнетения женщины в Китае, терпящей бесчисленные тяжелые физические страдания, не находящей поддержки ни от кого, кроме, изредка, от других женщин (часто родственниц или подруг), т.е. собственно **женской травмы**. Каждая из женщин, описанных в этом автобиографическом тексте, должна претерпеть множество страданий и совершить некий «рывок». Так, для бабушки таким рывком, или прыжком, преодолевающим нормы, становятся побег из дома умирающего генерала Сюэ и похищение собственной дочери, а также второе замужество, на которое она пошла, невзирая на самоубийство старшего сына мужа, стремившегося предотвратить брак. Этот «прыжок» становится не только противодействием общественному мнению в целом, но и чисто женским «рывком» от эгоистичного отношения отца, положения наложницы в первом браке к любящему и понимающему доктору Ся, который поставил ее интересы выше интересов своей семьи. Для матери этот рывок стал не только «женским», когда она отказывала гоминьдановским офицерам и не стала женой Лю, несмотря на давление окружающих, но и идеологическим: от веры в идеалы коммунизма она двигается к помощи дочери, покидающей коммунистический Китай и уезжающей в Англию. Наиболее значимым «рывком» для женщины, которая стремится к реализации и лучшей жизни, становится эмиграция, которая потребовала от героини и ее семьи огромных усилий, напряжения ресурсов всей семьи. Картина английской жизни за окном для повествовательницы – лучшее переживание в ее жизни и доказательство необходимости всех перенесенных испытаний.

Исторический фон романа определяет последовательно травматический опыт трех поколений рода героини, жизнь женщин при любом режиме – от императорского до коммунистического – полна акцентируемых описаний физических и моральных страданий, о светлых днях сообщается лишь мимоходом. Цель такого романа – своего рода самооправдание мигранта, стремление познакомить новых соотечественников с тяготами жизни в странах третьего мира и добиться признания морального права на миграцию, при этом опыт женщины из азиатской страны, по определению, более травматичен в силу двойного угнетения, а обретение новой родины значимо и как

обретение нового женского статуса – свободной, самостоятельной и уважаемой женщины, получившей право на социальную реализацию. В данном случае субъектом травмы является автор-рассказчик, а само произведение представляет собой «проговаривание», которое, согласно идеям Д. Ла Капры становится одним из элементов «проработки» травмы [7. С. 21, 36]. Кроме того, можно говорить о том, что нарративизация прошлого выступает и начальной стадией его **мифологизации**, в основе которой – события, происходящие «где-то» «когда-то» и рассказанные единственным «свидетелем».

Довольно быстро ситуация миграции в литературном произведении перестает рассматриваться столь прямолинейно; это происходит с появлением мигрантов «второго поколения», для которых **травма миграции** связана уже с опытом, переживаемым на новой территории, хотя по-прежнему на этом этапе травматический характер опыта обусловлен тяжестью пережитого на родине.

Этот вариант постколониального романа проявляется в творчестве З. Смит. Б.М. Проскурнин отмечает, что З. Смит относится к числу тех постколониальных авторов, для которых этничность «не играет большой роли» [8. С. 45]. Если сравнивать романы этой писательницы с произведениями писателей-мужчин (В. Найпол, С. Рушди и др.) или американских писателей и писательниц эпохи мультикультурализма (Ф. Рот, Т. Моррисон, Э. Тан), действительно, персонажи в ее произведениях как будто переживают травмы другого рода. Тем не менее, постколониальная проблематика – одна из самых значимых в творчестве писательницы, определяющих психологический фон существования ее героинь.

Идеология творчества писательницы, особенно ее первого романа «Белые зубы» (*White Teeth*, 2000), во многом идентична идеологии постколониального романа в целом, благодаря тому что роман писался с учетом уже существовавших образцов постколониальной литературы [9. С. 45]. Основная мысль З. Смит – жизнь в новой реальности осложнена для мигранта его собственным прошлым, отринуть которое невозможно⁴, т.е. собственно исторической травмой. Для

⁴ «Нам часто кажется, что иммигранты все время в движении, свободные, способные в любую минуту изменить свой путь, готовые при первой же возможности применить свою легендарную изобретательность. Мы не раз слышали об изобре-

3. Смит важно подчеркнуть неизбежность травмы, невозможность преодолеть ее на уровне одного поколения и неизбежность ее влияния на последующие. В романе эта повторяемость проговаривается прямо: «Трудно обозначить это явление: “первородный грех” будет чересчур; может, лучше сказать “родовая травма”? В конце концов, травма – то, что вновь и вновь напоминает о себе, и трагедия семейства Икбалов состояла в том, что они раз за разом совершали прыжок из одной страны, одной веры в другую, из объятий коричневой Родины – в белые веснушчатые руки имперского монарха» [10. С. 237].

Первое поколение мигрантов проживает главным образом **историческую травму**, в роли которой в данном случае выступает, во-первых, основная для всей цивилизации травма – Вторая мировая война, «проживанию» которой посвящена, по сути, вся культура второй половины XX в. [11. С. 264–270]. В романе участниками войны являются два главных героя, ведущих магистральные линии сюжета: мигрант из Бангладеш Самад Икбал и британец Арчибальд Джонс. Конфликт, заданный в этот период (неспособность Арчи убить больного и безоружного военного преступника), разрешается лишь в финале романа, когда доктор оказывается одним из зачинателей научно-го эксперимента по выведению новой породы людей.

Вторая историческая травма связана с предком Самада Икбала, Мангалом Панде, который, согласно сюжету, по случайности дал повод для начала исторического восстания сипаев⁵, предвестника борьбы индийцев за независимость.

тательности мистера Шмуттерса или о свободе мистера Банаджии, которые приплыли с островов Эллис или из-за Па-де-Кале и ступили на чужую землю новыми людьми, свободными от любого багажа, радостными, готовыми оставить в порту все, что есть в них особенного, и попытать счастья на новом месте, влиться в единый народ “доброй зеленой свободной страны свободомыслящих людей”. Какая бы дорога им ни подвернулась, они пойдут по ней, а если окажется, что она ведет в тупик, – ну что ж? – мистер Шмуттерс и мистер Банаджии весело свернут на другую дорогу, петляющую по Счастливой Многонациональной Стране» [10. С. 559]. «И в этом заключается еще одна истина об иммигрантах (беженцах, émigrés, путешественниках): они не могут убежать от своего прошлого так же, как вы не можете избавиться от своей тени» [10. С. 560].

⁵ История Мангала Панди в основе своей достоверна и описана в источниках [12. С. 287].

И третья, собственно «женская» травма – это родовая история, репрезентирующая травму колонизации – история развращения юной ямайки Амброзии агличанином Чарльзом Дэремом.

Во всех случаях историческое событие становится личной травмой для каждого из его участников, для Арчибалда Джонса – травматическим свидетельством отсутствия «настоящей» мужественности (эту тайну он хранит всю жизнь), для Самада Икбала – травмой непризнанности его (или колониальной) версии мировой истории, а тем самым и его народа в целом. Последняя же история проживается по женской линии, и только правнучкой Амброзии Айри осознается, собственно, как травма.

Оригинальной и основной для данного вида постколониального романа становится **травма миграции**, которая переживается также преимущественно старшим поколением. Цель миграции – безопасность, попытка уйти от природных⁶ и исторических катастроф⁷, безопасность, прежде всего, ради следующего поколения. В этой связи возникает значимая антитеза «там» и «здесь»: «Зачем все они приехали на этот остров? Чтобы быть в безопасности. Их дети сейчас живут спокойно, разве не так?» [10. С. 262]. Несмотря на все проблемы «здесь», это – прежде всего пространство безопасности для детей: «Мы упрятали детей в полиэтиленовые пакеты и распланировали их жизни», – говорит Самад. Однако результатом становится

⁶ «Полгода половина страны затоплена водой; целые поколения тонут, как по расписанию; оптимисты рассчитывают дожить в лучшем случае до пятидесяти двух. Люди здесь хладнокровно слушают рассуждения о конце света и природных катаклизмах, зная, что они первыми попадут на поле Откровения, что, когда флегматичные полярные шапки начнут перемещаться и таять, они, как атланты, первыми окажутся на дне морском. Бангладеш – забавнейшая страна в мире. Удачная шутка Бога, его дебютная черная комедия. Нет нужды анкетировать бенгальцев. В их жизнь прочно вошла беда. К примеру, с момента шестнадцатилетия Алсаны (1971) до момента, когда она перестала разговаривать с мужем (1985), в Бангладеш от ураганов и дождей погибло больше людей, чем в Хирোসиме, Нагасаки и Дрездене, вместе взятых» [10. С. 252].

⁷ Так, к примеру, описывается Индия после убийства Индиры Ганди: «Публичные казни, сжигаемые во сне семьи, тела на воротах по всему Кашмиру, люди, барахтающиеся среди собственных конечностей; куски тел, отрезаемые сикхами у мусульман и хинди у сикхов; ноги, носы, пальцы рук и ног – и повсюду зубы, рассыпанные по земле, измазанные в пыли зубы» [10. С. 240].

цепь разочаровывающих повторений: «Иммигранты охочи до повторений – неважно, перемещаются они с Запада на Восток, с Востока на Запад или с острова на остров. И вроде бы уже всё, уже осели, но движение на месте продолжается: родители мечутся взад-вперед, дети ходят кругами» [10. С. 287].

Второе поколение не оправдывает надежд и продолжает движение по кругу. В романе это проявляется через близнечный сюжет: Самад Икбал разделяет своих сыновей-близнецов, старший, благополучный, подающий надежды Маджид, отправлен на родину с целью возвращения к традиционным мусульманским ценностям⁸ и возвращается убежденным западником, атеистом и рационалистом, младший, неблагополучный Миллат, остается в Лондоне и примыкает к группе радикальных исламистов. История братьев демонстрирует неизбежность движения по кругу: Запад стремится к Востоку, Восток – к Западу. Эта повторяемость становится результатом неспособности старшего поколения преодолеть собственный травматический опыт, что проявляется в его замалчивании и утаивании от последующих поколений (история, произошедшая с Самадом и Арчи во время войны) и одновременном акцентировании мифологизированного прошлого (история Мангала Панде, которая постоянно повторяется Самадом и высмеивается его собеседниками), приводящая к созданию воображаемых идентичностей его сыновей.

Третий тип травмы переживается на уровне второго поколения, это – **травма кризиса самоидентификации**, или травма непризнанности, переживаемая каждым по-своему: например, Маджид в детстве называет себя Марком Смитом и хочет прожить обычную жизнь английского ребенка [10. С. 181], Миллат, напротив, приходит к акцентированию своей инаковости. Отличие от первого поколения состоит в том, что для родившихся на Востоке непризнание Западом травматично, но логично, коренным лондонцам небелой расы лишь

⁸ Символом этого стремления на Восток становится борьба Самада с праздником урожая в школе своих сыновей. Старшего он убеждает: «Ты мусульманин, а не друид» [10. С. 182], о себе говорит: «Меня испортила Англия, теперь я это понимаю... моих детей, жену тоже испортила» [10. С. 173]. «Не хочу быть современным! Я хочу жить так, как должен был жить всегда. Вернуться на Восток!» [10. С. 174].

предстоит осознать и принять свою инаковость. Это происходит на всех уровнях самоидентификации, начиная от внешности у Айри⁹, заканчивая необъяснимой, на первый взгляд, агрессией в поведении Миллата: «Социальный хамелеон. Но за всем этим скрывались вечная злоба и обида, постоянное ощущение отсутствия корней, отсутствия дома – ощущение, неизбежно сопровождающее тех, кто считает своим домом весь мир» [10. С. 322]¹⁰. «Миллат стал непонятно чем: не мусульманин, не христианин, не англичанин и не бенгалец» [10. С. 424]. Воображаемая идентичность каждого из близнецов, так и не преодоленная ими в романе, демонстрирует непреодолимость травмы миграции, которая порождает автомифы ее «жертв».

Для западного, особенно женского, постколониального романа характерно наличие мотива обретения себя через признание своих корней (в романах Э. Тан, например). Здесь нечто подобное происходит только с Айри, которая в сложный момент жизни приходит в дом своей бабушки Гортензии в попытке разобраться в собственной жизни и открывает для себя Ямайку как свою родину, причем это событие раскрывается автором совершенно в духе современных постколониальных исследований: «Родина – это одна из волшебных выдумок, как единорог или душа, или бесконечность, которые вошли в язык и прочно обосновались в сознании. Для Айри слово «родина» было особенно волшебным, потому что оно ассоциировалось с началом. Началом начал» [10. С. 485].

Гендерная специфика романа З. Смит также неочевидна на первый взгляд. Здесь нет выраженных признаков «женского» письма, ярко проживаемой на уровне персонажей «женской» травмы, какую мы встречаем у некоторых американских авторов (Т. Моррисон, Э. Тан и др.). Вместо этого в романе имеет место переакцентировка традиционной национальной символизации. В рамках колониальной

⁹ «Англия – огромное зеркало, в котором Айри не находила своего отражения. Чужая в чужой стране <...> Она не хочет мириться с генетической неизбежностью и ждет превращения ямайских песочных часов, заполненных песком с водопадов реки Дан, в английскую розу (вы, конечно, знаете, как она выглядит: такая тоненькая, хрупкая, не выносит солнца)...» [10. С. 318].

¹⁰ Безместность или детерриторизация, отмеченная Х. Бхабой [13] как основная составляющая постколониализма, ярко проявляется в романе З. Смит, это отмечают и другие исследователи [10. С. 119–120].

модели «маскулинное» британское атакует «феминное» восточное (С. Моэм, Г. Грин, Э. Берджесс), но не сливается с ним. Подтверждением этому служат многочисленные, но бесперспективные гендерные пары в романах означенных авторов (Уоддингтон из романа С. Моэма «Узорный покров», Фаулер из произведения Г. Грина «Тихий американец», Хардман из «Малайской трилогии» Э. Берджесса). В дальнейшем в британском романе в целом наблюдается смена гендерной символизации. В постколониальной литературе гендерное переозначивание происходит разнообразно, и далеко не всегда зависит от собственно постколониального миромоделирования.

В романе З. Смит пара главных героев имеет неоднозначную гендерную природу. Так, однозначно маскулинное начало воплощает Самад Икбал, который одновременно реализует и модель «завоевателя», соблазняя в почти пятидесятилетнем возрасте молодую англичанку, учительницу своих сыновей. Однако эта модель, как и противоположная модель из английского колониального романа, признается заведомо безуспешной (один из персонажей, со знакомым именем Шива говорит: «Это невозможно, между нами история»), что не мешает Миллату, сыну Самада, многократно повторять ее со своими белыми подругами. Самад, Миллат и Шива отличаются неотразимой сексуальной привлекательностью, и каждый по-своему реализует сюжет завоевания (Самад пишет свое имя на скамейке в центре Лондона, Миллат собирается отомстить за Мангала Панде, уничтожив изобретение Чалфена): «Миллат пришел сюда, чтобы положить этому конец. Отомстить. Повернуть историю вспять. Ему нравилось думать, что он другой, что он – новое поколение» [10. С. 610].

Природа Арчибалда Джонса, несмотря на его второй успешный брак, скорее женственна, чем мужественна. Его образ занимает наименьшее место в романе, но является одним из наиболее значимых, так как именно поступок Арчи, продиктованный не столько осознанным милосердием, сколько природной неспособностью убить, является основой всего сюжета. В паре друзей он занимает подчиненное положение, и, на наш взгляд, неслучайно в «армейских» главах романа постоянно звучит тема гомосексуализма. Природная мягкость и добросердечность Арчибалда резко противоречит колонизаторскому «стандарту», воплощаемому целым рядом персонажей-стариков, носителей колонизаторского мышления и

маскулинной агрессивности¹¹. Нетолерантность «старой» Британии становится своего рода привычным агрессивным фоном для обоих поколений мигрантов.

Другим (помимо Арчи) воплощением бесполой и бесхарактерной современной Британии становятся социальные институты с их натушной толерантностью: «Вам, несомненно, известно, что в нашей школе проводится большое количество самых разных религиозных и светских мероприятий, в числе которых Рождество, Рамадан, китайский Новый год, Дивали, Йом Киппур, Ханука, день рождения Хайли Селассие и дата смерти Мартина Лютера Кинга. Праздник урожая, мистер Икбал, также является данью широте религиозных взглядов, царящей в нашей школе» [10. С. 155].

Однако мягкость Арчибальда и толерантность британских институтов получают противоположную оценку писательницы. Если вторые вызывают лишь насмешку своим нежеланием признавать слишком сложную реальность, то чудак Арчи вызывает безусловную симпатию.

Смена гендерных ролей и повышение роли феминного проявляется и в образе представительницы единственной «британской» (еврейско-польско-немецкой) семьи Чалфен, где роль завоевателя отведена женщине, матери семейства Джойс: «Она была из тех женщин, которые, вооружившись только Библией, дробовиком и тюлевой занавеской, выходили защитить свои дома и дать отпор приближающейся армии негров» [10. С. 423], она воплощает типичную британскую ксенофобию, едва прикрытую лицемерием. Другая «британская роза», Джоэли, свою выраженную сексуальность направляет на социальную активность, участие в полуэкстремистских природоохранных предприятиях. Активность, в том числе и сексуальная, британских женщин, дублирует британское мужское из прошлого,

¹¹ Так, один из таких стариков, которого навешают дети и рассказывают об участии Самада Икбала в войне, ярко демонстрирует «наивный» расизм: «Насколько мне помнится, азиатов к нам не брали, хотя сегодня так, наверное, говорить уже нельзя. Да нет, какие там могли быть пакистанцы, чем бы мы их кормили? Нет, нет, – проворчал он, как будто его слова могли изменить историю. – И речи быть не может. Я бы такую пряную пищу не переварил. Пакистанцы! Пакистанцы были в своей, пакистанской армии, если таковая имелаась. А бедным британцам своих педиков хватало...» [10. С. 206].

воплощенного в образе Чарльза Дарема: она столь же агрессивна и приводит к негативным последствиям.

На наш взгляд, можно говорить о том, что в романе реабилитируется британское мужское, утратившее мужественность и ставшее взамен воплощением жертвенности (Арчи дважды спасает жизнь французскому доктору, военному преступнику), и восточное женственное, не потерявшее своей женственной природы и оставшееся прочным, несмотря на потерю «почвы» под ногами. Айри, которая из всех персонажей наиболее близка автору, хоть и проживает родовую травму непризнанности (выбор профессии стоматолога обозначает здесь намерение «залечить» родовую травму), в финале объявляет о намерении избавиться от этого: «Нейтральные территории, а не бесконечный лабиринт настоящего и прошлого, того, что говорилось в этих комнатах сто лет назад, доисторическое дерьмо всех и вся. ...Никакого дерьма на чердаках. Никаких тайн. Никаких прадедушек» [10. С. 620]. Ее отъезд с бабушкой, сыном от Миллата или Маджида, и Джошуа, сыном Чалфенов, на Ямайку воплощает тот же самый сюжет обретения себя через возвращение к корням, который мы видим в романах Э. Тан и других мультикультурных авторов-женщин. Таким образом, преодоление родовой (исторической) и других травм происходит в романе через осознанное стремление героини вернуться к истокам и обрести собственную идентичность.

Другой роман Зэди Смит «О красоте» (*On Beauty*. 2005) сюжетно не похож на «Белые зубы» (*White Teeth*. 2000): они различаются по тематике, социальному статусу героев, месту действия и пр. В рамках же интересующей нас проблемы их сходство очевидно: на первом плане две семьи смешанного происхождения, одна пара белый – черная, другая – оба представители расового меньшинства (бенгальцы в первом романе, афро-американцы во втором); сходный «набор» персонажей и во втором поколении: девочка с ямайской внешностью, недовольная собой, ослепительно красивый небелый подросток, пожилой белый мужчина-неудачник и т.д.

В связи с этим интересно наблюдать динамику развития проблематики от постколониальной травмы к «женской» травме. Если в первом романе есть место для всех трех видов травмы, то во втором историческая травма и травма миграции присутствуют лишь в подтексте психологических переживаний героев, их самоощущении. Все внима-

ние сосредоточено на травме самоидентификации, которую каждый из персонажей переживает по-своему, чаще всего не как специфически постколониальную, а как психологическую, осложненную социальными факторами, связанными с происхождением.

Смешанный состав семьи Белси, несмотря на внешнее благополучие, предопределяет травматический фон их существования за счет того, что жена и дети находятся в необычной для людей их цвета кожи среде: «Куда бы мы ни пошли, я одна в море белых. Черных я вижу мельком, Гови. Я веду белую жизнь. А черные разве что возят тряпкой у меня под ногами в чертовом кафе твоего чертового колледжа. Или каталку в госпитале тянут мимо меня» [11. С. 218].

Дисгармония в этой семье оттеняется ситуацией в гармоничной, хотя и закрытой семье Кипс, все члены которой чернокожие, но положение профессора дает Монти Кипсу возможность занять позицию в обществе и стать достойным соперником белому профессору Говарду Белси. Парадоксальным образом Кипс – консерватор и защитник устоев, который противостоит сопернику в университете и в политическом плане, он настаивает на равных требованиях ко всем, независимо от цвета кожи, в то время как Кики, жена Белси, говорит о том, что преимущества для черных просто восстанавливают равновесие, которое нарушалось много лет. Авторские симпатии очевидно на стороне либеральных Белси, моральная нечистоплотность Кипса проявляется в истории с картиной, которую его жена завещала Кики, а он решил оставить в семье.

Травма идентичности здесь приобретает социальный характер. Леви, сын Кики и Говарда, переживает недостаточность своей «цветной» идентичности, мешающей ему считать себя частью молодежной «черной» культуры, поскольку имеет смешанное происхождение и принадлежит к обеспеченным классам: «До чего чудно было видеть улицы, на которых все – черные! Словно вернулся домой, правда, люди вокруг сплошь незнакомые. А все-таки прохожие бегут мимо, словно он здешний, второй раз никто не глянет» [14. С. 314]. Он, как и младшие Икбалы, живет в мире воображаемой черной идентичности, созданной им под влиянием рэп-культуры, что удивляет его друзей из бедных кварталов и выдает его истинное происхождение. Его приятель Карл, чернокожий красивый и талантливый парень из бедных кварталов, переживает невозможность поступле-

ния в колледж и реализации своего таланта. Мир Веллингтонского колледжа остается для него чужим и малопонятным, и именно он формулирует проблему идентичности, касающуюся черных людей из традиционно «белых» классов: «Вы уже не черные, а не знаю кто. Думаете, вы лучше, чем другие цветные. Получаете “корочки”, а живете непутево» [11. С. 444].

Травма идентичности также тесно переплетена с женской травмой. Для ямайки Кики важным, усугубляющим обиду фактором становится то, что ее белый муж изменил ей с белой женщиной, при этом ровесницей. Зора, дочь Кики, которая осознает наступившую эпоху как время для энергичной цветной девушки и умело лавирует в социальном плане, взаимодействуя с преподавателями и администрацией Веллингтона, используя преимущества своего положения, в то же время переживает собственную женскую несостоятельность в отношениях с Карлом. На примере Зоры мы наблюдаем, как автомифологизация, еще вполне актуальная для ее брата, верящего в сообщество «настоящих черных парней» и себя как его часть, превращается исключительно в манипуляцию, сливаясь с социальной мифологией толерантного мультикультурного общества.

В этом романе ярко проявляет себя размывание травматической проблематики, потому что, строго говоря, с каждым новым поколением событие, переживаемое как травматичное, все меньше «заслуживает» такого обозначения. По сравнению с исторической травмой или травмой миграции травма самоидентификации – скорее психологическая проблема, затрагивающая эмоциональную сферу и вполне переживаемая для большинства персонажей. Женская проблематика здесь также лишена былого драматизма, который определяется в женской литературе прежде всего сюжетом насилия. Напротив, мотив доминирования цветной женщины реализуется практически посредством всех значимых героинь (Карлин, Виктории, Кики и Зоры).

Таким образом, говоря об эволюции травматической проблематики в женском постколониальном романе, можно отметить, что его авторы ориентируются на современные теории постколониализма и мультикультурализма, нередко прямо прописывая в своих романах механизмы преодоления постколониальной травмы. На первом этапе, когда роман пишется в автобиографическом жанре, сила травмы акцентируется; впоследствии, когда элемент фикциональности уси-

ливается, а постколониальный опыт рассматривается на примерах вымышленных персонажей, травматический элемент постепенно ослабевает, а автомифологизация, достигающая пика на этапе «второго» поколения, постепенно теряет влияние, превращаясь в одном из вариантов в элемент манипуляции.

Литература

1. Сидорова О.Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург : Изд. УрГУ, 2005. 261 с.
2. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного британского романа. М. : Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2003. 404 с.
3. Глостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М. : Наследие, 2000. 400 с.
4. Толкачев С.П. Мультикультурная литература: ответ на новые вызовы XXI века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 153–166.
5. LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. 1999. Vol. 25, № 4. P. 696–727.
6. Юн Джан. Дикие лебеди / пер. Р. Шапиро. СПб. : Изд-во И. Лимбаха, 2008. 664 с.
7. LaCapra D. History in Transit: Experience, Identity, Critical Theory. Ithaca : Cornell University Press, 2004. 288 p.
8. Проскурнин Б.М. О некоторых тенденциях развития современной английской литературы (судьбы романа в Англии 1980–2000-х гг.) // Мировая литература в контексте культуры. 2013. Вып. 2 (8). С. 38–52.
9. Ситникова Е.А., Соснин А.В. Мультикультурный Лондон в романе Зейди Смит «Белые зубы» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2013. № 21. С. 117–118.
10. Смит З. Белые зубы / пер. О. Качановой. М. : Изд. О. Морозовой, 2005. 672 с.
11. Хабибуллина Л.Ф. Вторая мировая война в современной литературе // Филология и культура. 2015. № 2. С. 264–270.
12. Новая история Индии. М. : Изд-во вост. лит., 1961. 883 с.
13. Bhabha H.K. Location of culture. L. : Routledge, 1994. 307 p.
14. Смит З. О красоте / пер. О. Качановой, А. Власовой. М. : Эксмо, 2018. 512 с.

Postcolonial Trauma in the 21st-Century English Female Fiction

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 15, pp. 89–104. DOI: 10.17223/24099554/15/5

Lilia F. Khabibullina, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: fuatovna@list.ru

Keywords: traumatic experience, postcolonial novel, English literature, female literature.

The postcolonial fiction of the 21st century has developed a new version of family chronicle depicting the life of several generations of migrants to demonstrate the complexity of their experience, different for each generation. This article aims at investigating this tradition from the perspective of three urgent problems: trauma, postcolonial experience, and the “female” theme. The author uses the most illustrative modern women’s postcolonial writings (Z. Smith, Ju. Chang) to show the types of trauma featured in postcolonial literature as well as the change in the character of traumatic experience, including the migrant’s automythologization from generation to generation. There are several types of trauma, or stages experienced by migrants: historical, migration and self-identification, more or less correlated with three generations of migrants. Historical trauma is the most severe and most often insurmountable for the first generation. It generates a myth about the past, terrible or beautiful, depending on the writer’s intention realized at the level of the writer or the characters. A most expanded form of this trauma can be found in the novel *Wild Swans* by Jung Chang, where the “female” experience underlines the severity of the historical situation in the homeland of migrants. The trauma of migration manifests itself as a situation of deterritorialization, lack of place, when the experience of the past dominates and prevents the migrants from adapting to a new life. This situation is clearly illustrated in the novel *White Teeth* by Z. Smith, where the first generation of migrants cannot cope with the effects of trauma. The trauma of self-identification promotes a fictitious identity in the younger generation of migrants. Unable to join real life communities, they create automyths, joining fictional communities based on cultural myths (Muslim organizations, rap culture, environmental organizations). Such examples can be found in Z. Smith’s *White Teeth* and *On Beauty*. Thus, the problem of trauma undergoes erosion, because, strictly speaking, with each new generation, the event experienced as traumatic is less worth designating as such. Compared to historical trauma or the trauma of migration, trauma of self-identification is rather a psychological problem that affects the emotional sphere and is quite survivable for most of the characters.

References

1. Sidorova, O.G. (2005) *Britanskiy postkolonial'nyy roman posledney treti XX veka v kontekste literatury Velikobritanii* [British postcolonial novel of the last third of the twentieth century in the context of British literature]. Ekaterinburg: Ural State University.
2. Tolkachev, S.P. (2003) *Mul'tikul'turnyy kontekst sovremennogo britanskogo ro-mana* [The multicultural context of contemporary British romance]. Moscow: Lit. in-t im. A.M. Gor'kogo.

3. Tlostanova, M.V. (2000) *Problema mul'tikul'turalizma i literatura SShA kontsa XX veka* [The problem of multiculturalism and US literature at the end of the twentieth century]. Moscow: Nasledie.
4. Tolkachev, S.P. (2019) Multicultural literature: responding to new challenges of the 21st century. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina – Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin*. 2(63). pp. 153–166. (In Russian).
5. LaCapra, D. (1999) Trauma, Absence, Loss. *Critical Inquiry*. 25(4). pp. 696–727.
6. Jung Chang. (2008) *Dikie lebedi* [Wild Swans]. Translated by R. Shapiro. St, Petersburg: I. Limbakh.
7. LaCapra, D. (2004) *History in Transit: Experience, Identity, Critical Theory*. Ithaca: Cornell University Press.
8. Proskurnin, B.M. (2013) O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya sovremennoy angliyskoy literatury (sud'by romana v Anglii 1980–2000-kh gg.) [On some trends in the development of modern English literature (the fate of the novel in England in the 1980s–2000s)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury*. 2(8). pp. 38–52.
9. Sitnikova, E.A. & Sosnin, A.V. (2013) Multicultural London in the novel “White Teeth” by Zeidy Smith. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova – Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*. 21. pp. 117–118. (In Russian).
10. Smith, Z. (2005) *Belye zuby* [White Teeth]. Translated from English by O. Kachanova. Moscow: O. Morozova.
11. Khabibullina, L.F. (2015) Vtoraya mirovaya voyna v sovremennoy literature [The Second World War in Modern Literature]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 2. pp. 264–270.
12. Koka, A.A. (ed.) (1961) *Novaya istoriya Indii* [New History of India]. Moscow: Izd-vo vostochnoy literatury.
13. Bhabha, H.K. (1994) *Location of Culture*. London: Routledge.
14. Smith, Z. (2018) *O krasote* [On Beauty]. Translated from English by O. Kachanova, A. Vlasova. Moscow: Eksmo.